Глава 1061: За пределами мира и звездного неба

Шан Синчжоу ничего не сказал. Встав, он вышел из комнаты.

Принц Чэнь Лю замер на мгновение, после чего поспешно последовал за ним.

Шан Синчжоу поднялся по каменным ступенькам в боковой части комнаты к крыше, которая служила в качестве платформы для наблюдения звезд.

Холодный ветер шелестел его рукава.

Только в этот момент Принц Чэнь Лю заметил, что в этом монастыре не было массива для контроля температуры.

Шан Синчжоу поднял голову к звездному небу. Он не поместил руки за спину, и из-за его синих рукавов, развеваемых ветром, он выглядел, как клоун на сцене. Казалось, как будто он собирался пригнуться, а затем прыгнуть вперед, возможно, желая прыгнуть в звездное небо, но его окончательной судьбой будет комедийно упасть на землю.

Принц Чэнь Лю взглянул на его фигуру, подсознательно сравнивая его с Божественной Императрицей на Платформе Росы.

«Если кто-то хочет чьей-то смерти, то сначала необходимо вынудить его обезуметь».

Голос Шан Синчжоу был легким, как ветер. В нем не было оттенка или акцента, из-за чего было невозможно сказать, что он действительно чувствовал.

Принц Чэнь Лю не понимал, на кого он ссылался. Безумной была Сюй Южун или император? И кто был человеком, который вскоре умрет?

Глаза Шан Синчжоу постепенно погрузились в море звезд, и он больше не говорил.

Принц Чэнь Лю попрощался. Покидая Монастырь Вечной Весны, он развернулся и посмотрел на ту крышу.

Он все еще не был уверен, правильно ли было прийти в Лоян сегодня.

Его утренняя встреча с Сюй Южун в Ортодоксальной Академии и сказанные ей слова казались невероятно преднамеренными.

То, что она заставила его чувствовать, как будто они были намеренными, было намеренным действием с ее стороны.

Но если у него не было всегда этих мыслей, как он мог быть простимулирован этими намеренными действиями?

Он невероятно хорошо скрыл свои амбиции в прошлые несколько лет. Никто не знал об этом, даже невероятно близкие к ней люди, как его отец или Мо Юй. Даже Божественная Императрица Тяньхай только подозревала, но никогда не была уверена. Конечно же, это могло быть связано с тем, что ей было все равно.

Но он не мог скрыть это от Сюй Южун.

В Имперском Дворце ему всегда казалось, как будто эта девушка довольно странно смотрела

на него, как будто насмехалась над ним.

Она тогда не раскрыла его, так почему она сказала эти слова сейчас? Почему она настолько намеренно дала ему этот шанс?

Принц Чэнь Лю не мог упустить этот шанс, и он также знал, что если его ответ будет хоть на каплю неправильным, Шан Синчжоу посчитает это за попытки посеять раздор. Как результат, он был очень спокойным и собранным. Сейчас казалось, что это был правильный метод. По крайней мере, это не вызвало ответ Шан Синчжоу.

Так что ему делать дальше?

Принц Чэнь Лю совершил путешествие за ночь, возвращаясь в столицу. К тому времени, как он достиг принцевых поместий Дороги Мира, зимнее солнце было высоко в небе, и тепло начинало заполнять воздух.

Казалось, что действительно вот-вот пройдет зима, как будто прибыла пора обновления.

Принц Чэнь Лю немного эмоционально зашел в поместье.

«Ты должен очень хорошо осознавать, что Святая Дева хочет использовать нас, чтобы вынудить Его Величество стоять на стороне Попа».

Принц Сян уставился ему в глаза и спросил: «Учитывая это, почему ты все еще пошел в Лоян?»

«Южун всегда была прямой в своих действиях. Даже ее хитросплетения всегда были открытыми».

Принц Чэнь Лю уже был невероятно спокойным. Даже ледяные глаза его отца не могли повлиять на выражение его лица.

«Дикое лесное пламя действительно устрашает, но если бы у нас не было этого пламени, у нас даже не было бы шанса спасти зерно от огня».

Глаза Принца Сяна вдруг обезумели, мерцая пламенным светом, но его голос охладел: «Но посещала ли тебя когда-либо эта мысль? Победу можно получить среди хаоса, но есть ли у нее способность погрузить сердце почтенного даосиста в беспорядок?»

Принц Чэнь Лю ответил: «Я понимаю Южун. Даже если почтенный даосист выиграет в конце, это будет горькая победа».

Последовала пауза, после чего Принц Сян спросил: «Тогда как ты думаешь, когда это начнется?»

Принц Чэнь Лю ответил: «С того мгновения, как она распорядилась встретиться в Ортодоксальной Академии, шахматная партия началась. Ее визит во дворец прошлой ночью был ее летальным ходом!»

Принц Сян выгнул брови: «Летальным ходом?»

Принц Чэнь Лю сказал: «Да. Этот ход был ходом для победы мира, так что необходимо использовать мир, чтобы ответить».

Принц Сян вздохнул: «Так буря уже была здесь».

«Только после бури можно увидеть радугу».

Принц Чэнь Лю продолжил: «Когда я был маленьким, Императрица рассказала мне, что радуги приходят от солнца, а мы - потомки солнца».

Принц Сян понимал, что он имел в виду. Он уставился в глаза своему сыну и сказал: «Кровь Его Величества аналогично чиста».

Принц Чэнь Лю подметил: «Но он все еще калека».

Дикий огонь, пылающий в глазах Принца Сяна, постепенно угасал, но, как и в случае его сына, давно скрытые амбиции начали проявлять себя.

Он спросил: «Когда придет время, согласится ли Его Святейшество?»

Принц Чэнь Лю сказал: «Если Южун проиграет, Его Святейшество, естественно, не выживет».

«Последний вопрос».

Принц Сян спросил: «Ты ни разу не упомянул, что случится, если выиграет Святая Дева».

Принц Чэнь Лю ухмыльнулся и сказал: «Какая цена кроме полного истребления клана сможет соответствовать этой шахматной игре за мир?»

Принц Сян затих на очень долгое время, а затем начал смеяться. Когда он засмеялся самонасмешливым смехом, амбиции в его глазах постепенно рассеялись, выражение его лица стало мягким, а его круглое лицо стало приятным, как у старого фермера или землевладельца.

Он держался руками за свой необъятный живот, с сожалением говоря: «Похоже, что мы должны как можно скорее провести свадьбу между тобой и Пин».

.....

.....

Дворец Ли был невероятно тихим ранним утром.

Вдали был слышен звук сухих бамбуковых метел, подметающих твердые камни.

Чэнь Чаншэн открыл глаза. Он задумчиво посмотрел на сложную и отчасти непостижимую гравировку на потолке.

Он проснулся раньше пяти утра. Это было невероятно редкое явление. Он не сразу же встал с постели. Это было даже более редкое явление.

Лежать в постели было большим удовольствием для большинства молодежи, но для него это несомненно была безответственная потеря времени, наполняющая его отвращением.

Он не сразу же выбрался из постели, так как это была его первая ночевка во Дворце Ли.

Ему все еще были незнакомы его окружения, и он все еще плохо адаптировался к ним, даже немного боясь. Он не знал, куда он должен был пойти, чтобы умыться, как ему будут прислуживать, или даже где была одежда, которую он снял прошлой ночью.

Он также не знал, что Сюй Южун обсуждала с его старшим братом прошлой ночью.

Только когда большая часть солнечного колодца во внешнем холле была освещена зимним солнцем, он наконец-то решил встать.

Первым, кого он увидел, была Ань Хуа.

Тысячи верующих, пришедшие со своими мольбами в свете свечей, наконец-то были убеждены уйти поздно ночью, но не Ань Хуа.

Она уже провела полночи в холле. У нее были довольно красные глаза, хотя было сложно сказать, было ли это из-за усталости или плача.

«Касательно твоей тети, похоже, что это был единственный путь».

Чэнь Чаншэн взял даосское одеяние из ее руки. Видя ее покрасневшие глаза, он, извиняясь, сказал: «Я надеюсь, что ты не станешь винить меня».

Ань Хуа быстро ответила: «Я не смогу винить Ваше Святейшество».

Чэнь Чаншэн мог сказать, что она не врала. Он был сбит с толку, спрашивая: «Тогда почему ты грустишь?»

Ань Хуа опустила голову и спросила: «Ваше Святейшество действительно планирует уйти?»

Во многих династиях, предшествующих Великой Чжоу, даосская вера тоже была Ортодоксией, и в течение истории появлялось множество Попов.

У них не было ограниченных сроков. Они всегда были божественным правителем всей Ортодоксии до возвращения в море звезд.

Однако, среди Попов в течение истории всегда было несколько нежелающих впутываться в светские дела, пока они преследовали Великое дао, или тех, кто был удручен определенными делами, и они решали заранее окончить свой срок, выбирая скрыться от мира или отправиться к другому берегу моря звезд.

В детстве Ань Хуа обучалась в Тринадцати Отделениях Зеленого Сияния, а повзрослев, она стала учителем. Она посвятила всю свою молодость Ортодоксии и даже могла зачитать несколько писаний от конца до начала. Она, естественно, знала об этих записях. Чем больше она думала о словах Чэнь Чаншэна в Великом Зале Света, тем больше она думала, что Чэнь Чаншэн мог выбрать этот путь. Она сильно нервничала, испытывая беспокойство, и даже утешающие слова Танга Тридцать Шесть не оказывали на нее эффекта. Она много раз плакала за одну ночь.

Чэнь Чаншэн смотрел на ту часть неба, выделенную крышами.

Он снова вспомнил ту черную ночь, как отверстие колодца, также ощущая ту ночь с другого конца моря звезд.

Он понесет ответственность, которую должен был понести.

Но пока он будет делать это, если были еще более далекие места для посещения, он, естественно, должен был пойти и осмотреться.

---

* Амбиции ‘□□’ дословно переводятся, как ‘дикое сердце’ или ‘безудержное сердце’, а дикий огонь - ‘□□’, что дословно переводится, как ‘дикий огонь’.

http://tl.rulate.ru/book/1222/333008